

«Духовность – это то, что отозвалось в душе порывами милосердия». Так сказал незадолго до своего ухода Михаил Петрович Лобанов. Мне передала эти слова супруга его, наперсница и друг, хранитель огромного наследия – лобановского достояния – Татьяна Николаевна Окулова (Лобанова). Эти трагические, правдивые слова девяностолетнего старца, как слова молитвы – проникновенной музыкой и тайной подсказкой для жизни звучали, не отпускали всю долгую дорогу в ночи из Екшюра до самой Москвы, до метро «Котельники». И даже в ночном московском метро я всё связывал с ними, вспоминал, процеживал сквозь сито этих слов воспоминания о нём, видел внутренним взором его улыбку, жесты, слышал-вспоминал ненавязчивые, но всегда глубочайшие напутствия и советы при прощании... Вот и теперь, даже покинув этот мир, он давал мне совет. Теперь уже через близкого и дорогого человека – супругу.

Так что же такое жизнь? В самом деле – «Луковка» Достоевского? Но как же сурово, жёстко и безжалостно противостоит нынешний мир всем им, классикам нашим: и Достоевскому, и Лобанову, и Астафьеву, и Абрамову, и Распутину... И Бунину, и Куприну... И Льву Толстому даже! Этот «новый мир» противостоит всей нашей русской культуре. Той русской культуре, которая объединяла малые народы воедино, и в СССР, и прежде. И весь мир читал на русском Гамзатова и Айтматова, Лесю Украинку и Шота Руставели. Мир осиротел, съёжился. Теперь эти республики, кажется, овдовели... «Порывами милосердия» по отношению ко всем людям, к читателю была во многом «та литература». Порывы милосердия, по Лобанову, – это и есть любовь, сострадательная, деятельная любовь к людям, и все писания Лобанова как редчайшего её, любви, представителя, – вовсе даже и не «луковичкой» они оказались, а чем-то гораздо более важным, большим – и долгим, на века. И для мира, и для тех же «малых народов».

Но вот уже стали забывать имена великих писателей и принимать навязанные привычки и правила. Сегодня, к сожалению, почти всё – не то и не так. И в этой беспросветной тьме сегодняшней жизни, бытового и литературного «раздрая» – как яркая лампочка зажглась, как чудо: Дворец культуры в Екшуре имени М.П. Лобанова!

Несомненно, что он сам, покинув этот мир несколько лет назад, молится о нас теперь, напоминает о себе. И праведной молитвой его о своей земле и Родине, о его родном селе близ Спас-Клепиков, случился этот подарок, это напоминание о том, что мы – люди. Что у нас много обязанностей, а не только права. И о том, что нужно видеть во всяком человеке, даже незнакомом прохожем – «Замысел Божий», по слову Достоевского.

И любить именно этот Замысел о человеке. Любить человека, несмотря ни на что, даже если «по делам его» – любить ну никак невозможно!..

И мне всё не верилось, что в России даже теперь можно назвать район, улицу, Дом культуры именем не либерального болвана или оборотистого банкира, проворовавшегося мэра или чиновника, который всю жизнь свою «празднует блистательно», а именем героя, фронтовика, почвенника («русофил» – негодное слово, «русолоб» лучше). Именем человека, вся жизнь которого – Предстояние, Служение Отечеству и культуре, учительство, литература и нравственное делание; передача опыта и жизненного, и литературного, бескорыстие и молитва...

Как радостно за эту победу среди бесконечной череды поражений, и раздора, и неприятия друг друга, и мести, и взаимных упрёков в рядах наших... И за нас самих, всё-таки любящих свою землю, хоть каждый – и по-своему.

Когда прощались в Екшуре с Татьяной Николаевной, я с тайной радостью (не был прежде знаком с ней лично) – любовался ею. Знать, «и один в поле воин, коли ладно скроен!». Дочь фронтовика, участника обороны Сталинграда, она, конечно, знает, что почём в этой жизни. И как трогательна забота её о каждом из нас, обрадовавшихся возможности встречи и участию в освящении, открытии мемориальной доски на ДOME культуры имени Михаила Петровича и внимавших празднику и молитве за «благоденствие и чистоту» екшурского недавно отстроенного ДК... Родные черты рязанцев... музыка хорошего, чистого слова... добросердечие принимавших нашу делегацию в Екшуре... Видишь, слышишь, угадываешь в «своём» человеке всегда – своего. Глава администрации Клепиковского муниципального района Николай Владимирович Крейтин (который тоже недавно покинул этот мир – как всё зыбко, непредсказуемо!.. А тогда – деятельный, полный сил и замыслов, забавно остроумный) – встретил нас с нескрываемой радостью, как дорогих гостей. И предупредительность, и внимание его к каждому – этого большого, богатырского сложения человека – были особенно милы и трогательны. Как и – чисто женская заботливость и скрупулёзное вникновение в мельчайшие детали в подготовке этого большого события заместителя главы администрации по социальным вопросам Елены Викторовны Панкратовой.

Среди встречавших нас радушных хозяев этого праздника запомнилось колоритная фигура ещё одного русского богатыря, земляка Лобанова, давнего его друга и почитателя, Евгения Поликарповича Кочеткова. Бывший начальник районной милиции, полковник, почетный гражданин Клепиковского района, он снимал документальные фильмы о родной Мещерской природе (показанные по Рязанскому телевидению), стал настоящим хранителем культуры этого края. Делом чести считает он сохранение памяти о выдающемся русском писателе, мыслителе: Михаил Петрович всегда остаётся для него (как он сам говорит) «воплощением честности, порядочности и скромности» (знаю, что земляки Лобанова ведут речь и о том, чтобы назвать его именем одну из улиц в Клепиках).

...И вот Дом культуры в Екшуре имени Михаила Петровича Лобанова открыт, дело сделано. Памятная доска (к которой в скором времени добавится мемориальная, с барельефом писателя) гласит: «Муниципальное учреждение культуры «Районный Дом культуры муниципального образования – Клепиковский муниципальный район», филиал № 15. Екшурский сельский дом культуры имени М.П. Лобанова. 391022, Рязанская область, Клепиковский район, Екшур, ул. Красный Октябрь, д. 15/6».

Открытие памятной доски на новом ДК освятил и благословил священник отец Геннадий Рязанцев-Седогин, один из учеников Лобанова. Есть в этом глубокий смысл, нечто провиденциальное: ученик-писатель освящает Дом культуры имени своего учителя. О. Геннадий Рязанцев-Седогин – Председатель Правления Липецкой писательской организации «Союз писателей России», протоиерей... (Я время от времени открывал в полутьме автобуса подаренную им книгу, читал первое, что открывала

рука, читал из его нового романа: ««Становящийся смысл» – это строящийся храм, место на земле, через которое проходит ось мироздания. Вся полнота жизни – и земной, и небесной – вращается вокруг этого таинственного сооружения. А между тем люди, душой и телом привязанные только к земному, не замечают присутствия глубины, которая, впрочем, не умаляется от этого»). Такая переключка с книгой «Внутреннее и внешнее» Лобанова поразила меня. Рукоположенный священник, настоятель храма Михаила Архангела в Липецке, который построен им с помощью Божией и тщанием прихожан, – он взял груз со всей тяжестью его... И вот – несёт опыт учителя дальше, в будущее.

«По делам их узнаете их». По делам учеников познаётся величие учителя. И тотчас вспомнилась давняя, начала 2000-х годов, переписка Лобанова, опубликованная в его книге «Твердыня духа», с отцом Феодором, монахом Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря, который теперь уже и сам наставник. Их дивная переписка исповедальна: разговор душ... С каким уважением, даже почтением в этой переписке Лобанов-учитель обращался к ученику-монаху!.. Как высоко ставил он Веру, духовный сан!

А нам на семинарах, уже в 1991-м, Лобанов разъяснял суть «атак времени» на священников, на военных-офицеров – в ту, «пригорбачёвскую», бытность. Яростные наскоки на Церковь и на храмы в прессе – от «Московского комсомольца» до «Смены» и «Огонька», от либералов... Он говорил так: «Во-первых, необходимо отделять саму Веру от персоналий (и в героическом строю попадают неважные воины). Во-вторых, они, священники, рукоположены, а это значит, что те, кто оступился (из священноначалия), – каждый по иному счёту сам за своё ответит перед Богом, и ответят (о том напоминают и святые отцы церкви Православной) на суровом суде иначе, чем миряне. И, наконец, ещё одно, и главное – даже из ржавого крана течёт святая вода». (Благодать через рукоположение действует независимо от нравственных характеристик священника.)

...Вечер памяти Лобанова на родине его открыл глава Екшурского сельского поселения Олег Викторович Закалюкин. Затем выступил глава администрации Клепиковского муниципального района Николай Владимирович Крейтин, поднимались на сцену и многие другие. Радушные хозяева подготовили замечательную литературно-музыкальную композицию – поистине творчески руководит Екшурским Домом культуры (и, в частности, – вокальной группой ДК «Кумушки») певица Елена Яранцева. Выступали профессиональные артисты, была яркая, переливающаяся всеми красками родной клепиковской сторонюшки художественная самодеятельность.

Выступили и мы, приехавшие из Москвы литераторы, очные и заочные ученики Михаила Петровича, в том числе и мы, приехавшие из Москвы литераторы, очные и заочные ученики Михаила Петровича.

Тепло и хорошо говорили, тревожа аудиторию самыми насущными проблемами писателей и читателей, об эстафете поколений – от Леонида Леонова, М.А. Шолохова, преемственность так много значила для Лобанова: от леоновского «Русского леса» – и первой работы о нём Михаила Петровича – до последнего романа «Пирамида». Тревожили, потому что невозможно говорить о Лобанове и не соотносить его мировидение – с нашим взглядом на современность. И это соотношение, конечно, не в нашу пользу, не в пользу веяний нынешнего времени – не радует. Заместитель председателя Союза писателей России Н.И. Дорошенко вспомнил именно об этом, рассказал залу о проблемах творческого становления молодого писателя – они известны ему, как мало кому (он с давних пор в СП России – ответственный секретарь по работе с молодыми авторами). Ему есть о чём сказать, чем поделиться с аудиторией; было предложено, в частности, в будущем проводить в этом прекрасном культурном центре Лобановские чтения.

Вспоминал Михаила Петровича и Александр Евсюков – молодой, но уже крепко, уверенно пишущий автор. А вслед за ним взяла слово и легко, и свободно выступала и читала свои рассказы Софья Гуськова, актриса Театра Российской Армии и тоже ученица Лобанова. Передавали эстафету многие другие: читали стихи, исполняли песни на стихи Сергея Есенина...

Русские сарафаны, замечательные светлые лица... Праздник, даже при многочисленности приглашённых и присутствовавших в зале, получился камерным, уютным, почти семейным. Из родных Лобанова в зале присутствовали: брат по материнской линии Николай Агапов, дочь Михаила Петровича – Марина Могутина и его внук Глеб, сказавший много хороших слов об открытии Дома культуры.

Впечатления остались самые добрые. И не только потому, что здание ДК на родине Лобанова так ново, так чисто и уютно: построен и оборудован корпус – на перспективу, с широкими возможностями показа фильмов, с цифровыми технологиями, всегда отныне готов для встреч с писателями от СП России, желающими посетить Екшур, – с будущими посланниками, которые пойдут теми же дорогами от ДК Лобанова к храму, теми же путями, где хаживал Михаил Петрович. Сердце утешалось в Екшуре этим милым, мягким гласным, рязанским протяжным наречием с выговором – на «е» и «а»: округляют, бегут словеса, катятся, освежают интонациями; удобряют речь рязанцы метким народным словечком, метафорой, пословицей щедро, даже с избытком порой. Так заметны, памятны мне эти разговоры с детства, особенно в присказках и в поговорках. «Я люблю этот край подсвешный, / Где на взгорок через луга / На молебен рядком неспешным. / Как монахи, идут стога», – написал очарованный «Мещерскими бродами», замечательными людьми этого края поэт, секретарь Правления Союза писателей России Евгений Юшин, много потрудившийся для того, чтобы памятное событие на родине Лобанова состоялось.

...Мы впервые в Спас-Клепиках. Припомнились записи Михаила Петровича «Из памятного» об этих местах, где он говорит в раздумьях о родине – из поэздок с чужбины записывает из какой-то азиатской страны примерно так: дождь, дождь и дождь несколько дней. Включил телевизор. Там прыгающая цветная обезьяна – скорее выключить!.. Почему так просится душа домой, на родину, в чём дело? А дело в том, что моя память здесь, на чужбине, – пуста. Не цепляется, не может ухватиться сердечная память за события. Всё там – на родине – узнаваемо, всё сокровенно: увидел куст – там бегал в детстве босиком... а у тех кустов – мама обморозила ноги, когда рубили дрова в лесу... Всё цепляет, всё тревожит на родине, всё наполняет воспоминаниями душу. За границей же, среди пальм, нет родовой памяти, оттого и тянет так домой – к полноте сердца. Воспроизвожу его мысли по памяти, но суть именно такова.

Теперь и я побывал в родных местах его, о которых столько сказано и с такой любовью. Здесь он родился, здесь жил. К этой земле сердечно был привязан... «На родной сторонushке – рад своей воронushке...» – метко замечено в народе. Даже и вороне-воронushке – и той рад! Михаил Петрович если и отъезжал за границу, то всегда ненадолго и стремился скорее вернуться домой.

...Как поразительно талантлив наш народ, наша земля: километров в тридцати пяти от дома Есенина (если напрямую) – родина Лобанова. Оба учились в Спас-Клепиках. Ходили одними тропинками, купались (с небольшой временной разницей: Лобанов родился в ноябре 1925-го, а Есенин ушёл в декабре того же года) – в одной реке (и она недалеко от ДК, река Пра). Как удивительно, как выразительно богата наша Почва: в какой Калифорнии или в каком предместье Альп возможна такая корневая система, такой «симбиоз» таланта, мудрости и добра? Два крыла: с одной стороны – есенинская порывистость, чувственность, необычайная «моцартианская» лёгкость слова, афористичность – «Жить нужно легче, жить нужно проще, всё принимая, что есть на свете...». Яркость и

свежесть – в жизни и в литературе. Другое «крыло» – и смысл всей жизни – в служении русскому делу Михаила Петровича Лобанова, фронтовика, мыслителя, преподавателя, критика; мудрость, центризм, государственность, глубокая Православная вера, имперское мышление с акцентом на сбережение народа. Сдержанность и взвешенность во всём. Есенинская задорная «удаль забияки и сорванца» и «...я более всего весну люблю...» – в сочетании с лобановским полнейшим безразличием к славе, с идеей нравственного вдумчивого воспитания и поддержки человека труда с определённой, ясно выраженной идеей сохранения народа, в особенности народа русского – главного достояния. (*Русский лес*, по Л. Леонову – народ, который необходимо сберегать... И первая книга Лобанова, повторим, – о Леонове, о его романе «Русский лес».) Два крыла, без которых нет взлёта и не может состояться полёт.

«Да по́лно! – думалось иногда. – Понимают ли вполне там, в Екшуре, памятную доску кому, какой Личности они открыли, и осуществима ли, возможна ли и впрямь мечта: писателям под эгидой СП России и впрямь «разрабатывать» эту «систему Лобанова» – посещать ДК регулярно, устраивать вечера и встречи его памяти. Навещать и дом его на родине, культивировать память о нём, возрастая нравственно и творчески с молодняком-подлеском, о котором говорил Дорошенко, о котором нынче так радеет наш писательский Союз. Как ни прикидывай, а – поистине мечта, если задуматься: вечера поэзии Есенина в ДК Лобанова. (Или вечера другого прозаика, поэта, критика, любого талантливого литератора, талант которого созвучен и сродственен талантам Лобанова, Есенина.) Не всё бы улицам Марка Захарова да «Центрам зарубежья» Солженицына – столбовую дорогу, и в Москве – особенно. Зачин есть, начало состоялось 12 декабря 2019 года на Рязанщине. Но есть и реальная возможность – народному движению переименований – дойти и до самой Белокаменной, и до Северной нашей Пальмиры. С таким размахом думалось мне тогда, и бежала-струилась за окном автобуса таинственная ночная дорога к Москве из-под рязанского Екшура, и бросали блики светлые афиши и светофоры, радужные играющие цвета (в разночтенье своём подобные моим далеко ведущим мечтам).

...Есенинские строки «лицом к лицу лица не увидеть» стали крылатыми и через десятилетия восславили поэта, а его замалчивали десятилетия. Уверен, что рано или поздно Россия вернётся к подлинному осмыслению и переосмыслению наследия писателя, критика, публициста Михаила Петровича Лобанова – ярчайшей личности. Переписка его с В.И. Беловым, В.П. Астафьевым, В.Г. Распутиным – многожды цитируется и издаётся. «Капитан Тушин», «боец на передовой» – по слову самого Юрия Михайловича Павлова. Так жил Лобанов, таковым и ушёл. Последние годы были особенно тяжелы. Быть может, если бы он продолжил преподавание в Литинституте и дальше, то и дни жизни продлились бы, даже скорее всего так. Преподавание, верность литературе, Православие в глубинном подлинном смысле – вот источники, которые питали его. Уверен, дело всей его жизни – обучение, воспитание (воспитание духовное) молодёжи – было прервано кем-то «высокопоставленным» намеренно. Кто, по чьему «задёрну», замыслу и умыслу вынудил его, профессора, руководителя семинара, кафедры творчества Литературного института с более чем полувековым преподавательским служением, заслуженного работника Высшей школы России, почётного работника культуры города Москвы, написать в августе 2014 года это «заявление» на имя и. о. ректора? Эту невероятную «просьбу» «в связи со сложившимися обстоятельствами» освободить его от занимаемой должности руководителя творческого семинара «по собственному желанию»; «просьбу», ознаменовавшую наступление для Литинститута новых времён после ухода с поста ректора Б.Н. Тарасова и так дорого стоившую ему – фронтовику, раненному в боях за родину, наставнику молодёжи, с его абсолютным литературным слухом, с любовью к делу, к своим «семинаристам» – и с их ответной взаимной любовью к нему... Горько вспоминать.

Я часто беру его книги с дарственными надписями, веду диалог с ним внутренне, разговариваю с ним через его строки, так, как если бы был он жив и мы снова встретились. «Василию Килякову, который собирался впопыхах, а оказалась на Олимпе. Город Владимир, 2 апреля 1996 года. Приём в СП России». Такая вот, с юмором, дарственная надпись на его книге, подаренной мне, «В сражении и любви». Вся жизнь его – сражение и любовь к людям, порывы милосердия... Неизбывное осталось ощущение, что отдавал он всего себя, без остатка – с такой величайшей жалостливостью воспринимал окружающих, с таким состраданием. Не соотносил себя с людьми, как теперешние «волчата-писатели» «с их плебейской, мутной и безотрадной прозой» (его выражение), а именно жил, проживал судьбу каждого ученика. Он набирал семинары, искал талантливых. И как же радовался, если находил! Талант был главным критерием его оценки, а его добротой пользовались. Я знаю, что он давал деньги ученикам и ученицам, – конечно, без отдачи. И узнал об этом, понятно, не от него... Да разве только это... О его всепрощении ходили легенды. Никогда не забыть, как он здоровался. Крепко, внимательно брал за руку. Глядел прямо в душу. Не выпрашивал, но каждое слово он «видел». Именно видел, а не только слышал... Или такая дарственная запись на книге «Твердыня духа», это уже 2010 год: «Дорогому Василию Килякову с сердечной благодарностью за внимание к моей литературной работе, что меня и трогает, и воодушевляет. Ваш Михаил Лобанов, 21 апреля 2011 года. Литинститут». Как это цепляет, особенно теперь, до самого дна души.

Дарственная на его книге «Оболганная империя» – не для широкого читателя. Строки убористым остроугольным почерком горьки и суровы, с написанным откровенным признанием не поспоришь... Он был твёрд, всегда собран. Не «умел быть твёрдым», а именно был таковым – мягким же казался только от любви, даже нежности к людям. Но жёсткость была для него не характерна. Помню, как он подписывал «Оболганную империю» с некоторой застенчивостью умудрённого человека, для которого борьба – всё-таки не самое главное в жизни, а главное – литература, которую, ещё во время дискуссии «Классика и мы» в 1977 году – он, единственный из писателей, по словам Юрия Павлова, трактовал через категорию тайны как высшей потребности души. Культура, творчество, чувство родины. Уметь принимать человека как «сколок» Образа Божьего – вот что было важным в его жизни. Понять эту тайну Божью – Человека – и, разоблачив, преодолеть пропасть между величием и низостью человеческой – помочь в *этом делании* всем. Да разве же разоблачению этой тайны не стоит посвятить жизнь, в самом деле?! Величие человека – в его мечте, в стремлениях сердца.

...Что за тайна – он сам? Откуда вообще в русском народе эти вспышки-явления великих праведников и святых, эти таланты из недр народных, эти явления Духа? Среди нищеты, кромешного голода рождается в селе Иншаково в рязанской глуши мальчик под крышей из дырявой щепы и соломы, продуваемой всеми ветрами. Мальчик, который сам ходит и выбирает, что ему прочесть, чтобы сформировать и «огранить» характер. Пишет первые рассказы в четырнадцать лет, а после войны, вернувшись с фронта, будучи уже студентом, посылает последнюю краюху хлеба родным – матери и малолетним сводным братьям... (Вспомнить его голод фронтовой и ту буханку хлеба, которую он нашёл на фронте, на передовой, на шоссе, случайно, ту, которую ел перед боем, разделив побратски с ребятами-воинами, вчерашними школьниками, быть может, последним сражением. (Лобанов М.П. Из памятного // Молодая гвардия. 1985. № 4. Цит. по: *Он же*. Страницы памятного. М., 1988. С. 256). Ему самому в ту пору едва исполнилось семнадцать. Как трогательно и сокровенно описывает первый бой, и впоследствии батальон, от которого осталось в живых и отправилось на переформирование и новые атаки всего лишь пятнадцать человек...) В пять лет остался без отца (мать, имея двоих детей, вышла замуж ещё раз за вдовца, у которого было и своих

пятеро, чтобы родить ему ещё четверых). По свидетельству родных, он сам, младо-воин, еле-еле стоял на ногах от постоянного недоедания. А средний сводный брат Валентин, иногда путаясь, называл его папой. В письмах ему он так и писал: «Остаюсь твой сын Валя...»

Что и как он читал в то время, о чём размышлял? И что это было за время – дальше, почти былинное? Когда к семерым – среди беспросветного труда и недорода, и голода – рожали ещё четверых? И жили! И при этом – гордость его, Лобанова, – за нацию, за «цементирующую все народы и республики» силу. «Русский лес», лес человеческий... И что же это – порода, наконец, неразгаданная, русская? Любимое слово и высшая похвала поступку или писателю из его уст: «Настоящий русак!» (так называл он, кстати, и своего клепиковского друга-земляка Е.П. Кочеткова, о котором уже говорилось выше, которому он посвятил и страничку в своём «опыте духовной автобиографии», книге «В сражении и любви»). С 1990-х годов я слышал эту его похвалу подвигу того или иного человека от него – совсем нечасто – мало кого он удостоивал таким званием, произносил всё реже эти слова. И как же оскорбляло его нынешнее засилье и дикарская «игра» – эта война на литературном поле ныне живущих, повторяю, молодых «волчат» в литературе и в жизни!..

Помню, с каким недоумением – может же такое вообще случиться! – передал он мне однажды через студента Андрея Тимофеева книгу «Десятка», в которой разве только Захар Прилепин не выпустил матерный рассказ, избежал этого. Лобанов, мастер слова, был поражён, изумлён, будто при нём поругали святыню... Литература была для него на втором месте среди святынь, и вдруг – такое. Что же оставалось? Ему самому написать разгром на этих «волчат», тем самым давая им рекламу своим именем? Он выбрал другой путь – в противовес бездарям и циникам из «Десятки»: выпустил сборник своих выпускников: «В шесть часов вечера каждый вторник». В сборнике под эгидой Литинститута он собрал прозу своих дипломников. В июле 2013 года книга вышла в свет (помощницей в литературной работе была супруга Татьяна Николаевна). Достойный ответ. Сверх того – явная, «чистая» победа через книгу – в этом споре о нравственности, не заочно, а делом – в этом весь М.П. Лобанов – ответить, дать отпор, но ответить нравственно, достойно. Сопротивляться всячески «просвещённому мещанству» и особенно – непросвещённому...

Начав читать книгу выпускников с первого рассказа «Хозяин» Алексея Серова, я искренне радовался – какая удача! И горевал: ну что такое тысяча экземпляров сборника! Как разогнать облака таким тиражом? Серов – талантливый светлый писатель, этакий «анти-Сенчин». Читаешь и – внутренне обмираешь, но не от тревожной беспросветной мути нашей «житухи» под либеральный аккомпанемент «елтышевых» или «десяток», а – от перспективы хоть и далёкого, но – света. В этом рассказе рабочий парень – по самой своей сути становится хозяином предприятия. По преданности делу, заводу, по нравственному устройению своему – честно, не только побеждает новых заводских «приватизаторов», а оказывается и подлинно хозяином положения, рачительным и подлинным директором по самой сути своей не только цеха, а – и самого завода, отвечает при систематической задержке зарплат – и добытчиком и рачителем порученного заказа. Только такой хозяин – и одновременно деловой работник, не рвач, не устремлённый к прибыли «денежный мешок», и мог спасти положение. Эти «денежные мешки», по обналиченным векселям купившие всё производство, едва не угробили завод. Спасает простой рабочий. И здесь опять: «Внутреннее и внешнее» – твердь Лобановская (у Михаила Петровича есть книга, которая, напомню, так и называется: «Внутреннее и внешнее»). И этот сборник выпускников Литинститута – «выстрелил!» На презентации в Литинституте тогдашний ректор Борис Николаевич Тарасов назвал его «беспрецедентной книгой». Высоко оценил его известный публицист, критик, тогда – зам. главного редактора журнала «Наш современник» (увы, ныне тоже ушедший) А.И. Казинцев. С сочувстви-

ем отозвался о книге в своей статье «Остров надежды» духовно чуткий писатель (по лобановскому определению) А. Трапезников («Литературная Россия»), откликнулась и «Независимая газета». А вот что написала выпускница Литинститута, автор рецензии в журнале «Наш современник» Е. Злобина: «Эта книга поразительна. Она вызывает шок. Представьте, что вы жили себе и жили долгие годы, думая, что всё происходящее вокруг – точно и верно. И вдруг оказалось, что всё это время на самом деле вы висели в пространстве вверх ногами и вдруг вернулись в нормальное положение. Читали-читали книги и журналы, будучи уверены в том, что имеете дело с литературой, – а оказывается, всё это время вам подсовывали пустые погремушки, в которых за шумом, трескотнёй фраз и расчётливым позированием нет ни мысли, ни глубины, ни художественной правды. Вот, одна настоящая книга – и горы литературного глянца, которыми вы напичканы, рассыпаются в пыль». На сайте «Российский писатель», в альманахе «Артбухта» (Севастополь – Москва) отмечали лучшие писатели России и по содержанию, и по оформлению этот сборник, называли «более чем достойным...». И, конечно, справедливо. Псевдолитературе, так называемым «Десяткам» (это явление – новые «десятки», новые «успешные писатели», вошедшие, по М.П., в дьявольскую систему обогащения, «а ля Д. Быков», с его, Быкова Д., – патологической «брезгливостью к жалости») – ответ им всем – чистой книгой: «В шесть часов вечера каждый вторник». Хороший урок! Как говорил сам Михаил Петрович, «есть литература и псевдолитература». И этой «новой», «демократической», денационализированной, авангардистской псевдолитературе (по его же словам) – конечно же, явно не по нраву пришёлся выход книги учеников Лобанова. Им глубоко ненавистны традиции великой русской литературы, неотделимой от этики, от духовности как основы слова, от постоянной социальной ответственности. Однако этот «междусобойчик», эти «стаи» «литературных дельцов» нынче стали запускать, загонять, определять даже и в вузовские, и в школьные учебники, о чём не раз писал М.П. Лобанов (в числе в книге «Оболганная империя»*).

Но кто же широко прорекламирует хорошую книгу, настоящую литературу – и, как пример, именно «В шесть часов вечера каждый вторник», – да ещё, под редакцией самого М.П. Лобанова! – наше общее достояние. Почему не предложить эту книгу, нравственно выверенную, чистую, – для прочтения школьникам и студентам? Или «Болонская система» не позволяет? Почему не представить её на телевидении, на страницах других центральных изданий? Кто же на деле сегодня заинтересован в издании настоящей подлинной литературы? Кто даст «большому кораблю – большое плавание»? Как же безответственно, бессодержательно мы живём: нам Сальникова да Гузель Яхину подавай... Или Водолазкина...

«О молодой литературе» – руководитель творческого семинара прозы М.П. Лобанов – из замечаний к последней книге «Убеждение»: «В этой книге рассказов студентов Лит. института «В шесть часов вечера каждый вторник...» – единство разнородных рассказов – разнородные авторы при цельности». И далее: «В этой книге представлены такие выдающиеся авторы среднего возраста, писатели, как Киляков, Серов, Богданов, Жуков...». «Совершенно не замечают выпускников Лит. института, таких, как Богданов, Жуков, недавно умерших, о которых писали в «Лит. газете», современных коренных русских писателей (Киляков, Серов) среднего поколения – уже зрелых мастеров, тончайших психологов, мощной художественной изобразительности». Далее замета: «свящ. Вл. Соколов — о нищете талантливых писателей». «Священник Владимир Соколов в своей книге «Мистика или духовность? Ереси против христианства» (М., 2012), обоснованно выделяя проблему таланта в современном мире, пишет: «Талант всегда восходит, а бездарность падает, вовлекая в по-

* Лобанов М.П. Оболганная империя. М., 2008. (Статьи «Поддавать знак своим. О псевдоучебнике по истории русской критики и прочих псевдо», «Память войны»).

ток падения и окружающих. Восхождение же требует воздержания от соблазна — аскетического подвига, поэтому талантливый человек почти всегда лишенец: во-первых, развращённое общество из ненависти лишает его благ, во-вторых, — и сам он ограничивает себя в потреблении, ибо обилие и роскошь развращает дух, а в творчестве приводит к пошлости» «...обновление жизни, в котором так нуждается сегодня мир, невозможно, если подлинно талантливые люди не займут центральное место в духовной, общественно-политической и культурной жизни человечества... (с.197-198)» (см.: Лобанов М.П. Убеждение // Наш современник, 2015, № 11.С. 244-256). «И нет более верного способа убрать писателя, публициста из строя борющихся, как замолчать его, заткнуть ему рот (выражение П. Флоренского). А это значит заткнуть рот самому народу, выразителем которого является талантливый автор». Зачем нынешней Москве сборник, составленный из дипломников Лобанова? Ведь в «споре о нравственности» книга «В шесть часов вечера каждый вторник» — рассказывает и показывает именно о внутреннем делании — а это бесспорно удар по «соросятam», по «шубинским» и «быковским» проектам. Для непосвящённых поясню: в шесть часов вечера каждый вторник — Михаил Петрович Лобанов в Литинституте, в старом здании (бывшее имение Герцена) — вёл, давал уроки по мастерству будущим писателям. Преподавал студентам Литинститута, обучавшимся очно, и заочникам. Как говорил он, наш наставник, в слове для участников «презентации» сборника: «Пусть эта проникновенная книга напомнит вам в будущем весеннюю пору вашего творчества с его свежестью чувств, открытостью взгляда на мир, стремлением к чему-то высшему».

Лобанов был убеждён: «...признание, значение этой выдающейся книги только возрастёт со временем. Слишком она контрастирует, «ставит на своё место» господствующую ныне игру в литературе, агрессивность авторского самоутверждения, жизненную, духовную, нравственную немощь. Не важно, что не каждый из этих тридцати двух авторов (представляющих только последний период истории семинара — начало XXI века) «выйдет в писатели», ведь главное здесь — убедительное свидетельство того, какое обилие молодых талантов, подтверждающих, что Россия, несмотря ни на что, жива, её творческая молодёжь противостоит злу и насилию, всему разрушительному, что русский язык по-прежнему объединяет людей разных народностей из нашей некогда единой великой страны».

В книге, которая противостоит бескорневой «антикультуре» и которая вместила рассказы выпускников Лобанова: русских, башкир, татар, белорусов, украинцев, — живут образы нашего времени во всём его многообразии. И тотчас с такой жалостью, до «судороги щёк» (по-есенински) вижу, вспоминаю учителя — и удивляюсь: вот, сегодня ищут днём с огнём русскую идею — как её определить? Ответ — в одном слове: «Лобанов»!

По Лобанову, мир внешний, мир грубой материи — требовательный и беспощадный. Но не этот мир грубой силы или власти — вовсе не он окажется решающим. Мир внутренний, невидимый — вот тайна, и смысла, и соль. Откуда же и как он пришёл к такому убеждению, как выстрадал уверенность: внутреннее — важнее и прочнее внешнего? И пронёс это убеждение через всю долгую, почти в целый век, дистанцию своей жизни... Здесь Тайна Благодати, которую он не держал за семью замками.

TV, Ютуб демонстрируют нам ныне чиновников, партийных бонз — и отпрысков их, «золотых» столичных мальчиков, как пример для подражания, которые в жизни своей ничего тяжелее ложки не поднимали. Передвигаются исключительно на такси. Приглашённые «на голубом глазу» — так легко, скоро и убеждённо-легковесно говорят... Этакое жонглёрство англицизмами и суржилом из молодёжного сленга и *мусорной мовы* — неких «интеллектуалов» без приложения души. Совсем другое дело — знания, добытые трудным путём страданий, сомнений. Выстраданные, кровью омытые, испытанные, не голословные, на «пикировку» и непризнание, на слом и на удар проверенные.

...Продолжим вспоминать о Мастере под мемориальной доской в Екшуре. Первые рассказы Лобанов публикует в четырнадцать лет в Спас-Клепиковской газете «Колхозная постройка». Они, эти рассказы 1940–1941 годов, были представлены в лобановской экспозиции в фойе ДК. Их разыскали, как я узнал, сотрудники Рязанской областной библиотеки и старейшая сотрудница Клепиковской районной библиотеки Г.Н. Ликий. Кстати, рядом с этими предвоенными «рассказиками» (как он сам их впоследствии называл) и первыми статьями одного из лучших учеников Екшурской средней школы мы увидели тогда многие редкие материалы, например, связанные с его участием в Великой Отечественной, – фотокопии военных справок, орденских книжек, ряд документов из семейного архива, военные воспоминания писателя, пехотинца «На передовой». Всё это было собрано, как оказалось, руководителем музея боевой и трудовой славы Клепиковской школы № 1 Тамарой Александровной Артамоновой, подвижницей-краеведом, которая многие годы переписывалась с Михаилом Петровичем; он присылал в музей письма, книги свои с дарственными надписями, поддерживая живую связь с родной землей. (Результатом кропотливой краеведческой и военно-патриотической работы, которая давно велась в школьном музее, стала, добавим, ещё одна большая выставка, посвященная памяти знаменитого земляка. Лобановская экспозиция эта, как нам стало известно, в предшествующем настоящему празднику в Екшуре году заняла первое место на краеведческой конференции «Рязанская земля. История. Памятники. Люди», секция «Родословная. Наши земляки».)

И снова и снова – зарницы памяти. Вечной памяти...

В 1943-м – спецкурсы под Уфой и отправка из пулемётного училища стрелком на фронт. Август того же сорок третьего – Брянский фронт, Курская дуга. Разрыв мины – и тяжелейшее ранение при наступлении. По его собственным воспоминаниям, правую руку он, едва живой после атаки, «нёс, как ребёнка», от нестерпимой боли прижимая к груди. С трудом выбрался – повреждена кость. В конце войны, после увольнения из армии, этот юноша из Иншаково, девятнадцати лет от роду, поступает на филфак МГУ, который окончит с отличием. Однако в 1949-м он выберет не литературоведческие штудии, а совершенно иной путь. Получит назначение в ростовскую газету «Молот» – этого он и добивался.

Ростов. Вёшенская. Михаил Шолохов... Первая супруга с младенцем отказывается следовать за Лобановым, съезжать от матери «на пустую кочку».

Потрясённый «Тихим Доном», Лобанов собирает материалы для написания исследования о великом романе. Встречается с Шолоховым, которому напоминает, что тот по матери – тоже рязанский. «Нет, – ответил гордо Михаил Александрович, – нет, я казак! Во мне нет мужицкой крови». И смешно, и трогательно. И ростовские степи, и Дон очаровали Лобанова совершенно. С трепетом из окна поезда разглядывал он те места, где Гришка Мелехов сажал хлеб и воевал. И там, в Ростове, происходит одно из главных событий его жизни, о котором он напишет в книге «В сражении и любви». В одиночестве, обессиленный голодом и ослабленный ранением, переживает он тяжёлую форму туберкулёза. От редакции его изредка посещали, приносили немного еды, но болезнь так тяжела, что «не было сил пройти насквозь, от стены к стене маленькую съёмную комнату», просто «пройти от стены до стены». Кровь шла горлом... Необычайная слабость из-за голода, едва ли не исход души... И вдруг – открываются высшие, непостижимые сферы. Об этом он говорил мне прикровенно однажды и писал гораздо позже, переосмысляя произошедшее, в той же книге, «В сражении и любви». «Благодать» – изречёт он, вспоминая об этой грани жизни и смерти. И навсегда это чувство останется с ним и станет его путеводной звездой.

Кроме заметных и замечательных писателей он воспитал в «застойные» 1970-е и в начале 1980-х годов в атеистической обстановке не-

скольких священников и одного архимандрита, и продолжал дело всей жизни своей и в трагических 1990-х, и в 2000-х. Хочется спросить у тех, кому Церковь не Мать и кому Бог не Отец: «А вы, отцы, так же смогли воспитать детей, как воспитывал, учеников, он, наш педагог?»

Поразительно, как Михаил Петрович вызывал на себя огонь самых яростных противников *русскости духа*. Когда он выпускал книги, писал статьи, то «старался уйти в «русский дух», в чём виделось наиболее действенное противостояние «разлагателям России»^{**}. Говорил независимо. Мог ли промолчать или просто просидеть какое-то время в тишине, чтобы отдышаться? Нет, никак. И вот «Просвещённое мещанство», 1968 года. От А. Яковлева донос-опус «Против антиисторизма», 1972. (Кстати, есть мнение в литературных кругах, что донос этот заказан был А.Н. Яковлевым и расписан по пунктам, исполнен был за мзду небезызвестным, послушным «верхним эшелонам власти» официозным критиком, а вовсе не самим «прорабом перестройки». Даже и доносы написать сами не умели эти каменщики влиятельные, эти «прорабы» да «архитекторы перестроек».) Яковлев же и раскрутил «возмущение» М.П. Лобановым – поднял волну и погнал её аж до Андропова. И то, что возмущало его, высокопоставленного «бровастого» чиновника, он же – А. Яковлев, как это ни удивительно, – поставит, помимо всего прочего – целью и образом своей жизни и впредь: приспособленчество, мещанство, жажду наживы и исключительно собственного благоденствия... Таковым и останется в нашей памяти этот «куратор перестройки», который в 1958-1959 годах стажировался в Колумбийском университете США. Он же заявит в 2005 году цинично и развязно: «Несмотря на нищих в переходах, на войны на окраинах, на беженцев, на новых русских со всеми их прелестями – сегодня страна лучше, чем пятнадцать лет назад»... Он был хорошо «устроен», избалован безнаказанностью, и мог позволить себе выпады самые разнузданные и циничные (А. Яковлев. «С ничтожествами из ямы не вылезти»). Да разве – только он один, а сколько недоброжелателей по отмашке тех же Андропова и Яковлева выбрали мишенью именно Михаила Петровича?.. Как любили о ту пору именно что по отмашке сверху налетать ордой на одного...

По просьбе автора повести «Драчуны» Михаила Алексева – Михаил Петрович честно пишет свои мысли о ней. И опять виноват Лобанов... М. Алексеев в недалёком будущем примет и поведёт журнал «Москва», станет благополучно главным редактором, а Михаил Петрович – снова в опале. Это теперь переписывают историю, вернее, пытаются переписать. Лобанов покинул нас, и вот – «Заговор молчания» официозных СМИ (как выразился один из учеников М.П.) в связи с его кончиной... Демонстративное равнодушие «прогрессивной общественности», публичной (в самом прямом смысле слова)... Такое впечатление, что определённым кругам свербело, скребло, хотелось вычеркнуть из нашей истории имя выдающегося мыслителя и великого патриота России.

«Доставалось, достаётся мне за эту «русскую духовную стихию», – говорил сам Михаил Петрович в статье «Убеждение» из последней своей автобиографической книги. Вспоминая тёплые слова Вадима Кожинова о Лобанове, назвавшего его «наиболее полнокровно – из всех известных мне моих современников – воплотившем в себе русскую духовную стихию»^{***}, горблюсь от тяжести намеренного «непонимания», непризнания его чиновниками от литературы, политиками. И сам М.П. добавлял, бывало: «Лично меня это нисколько не удивляет, надо же расплачиваться за свои убеждения, за которые мне достаётся с обеих сторон».

Фронтвик Михаил Лобанов имел в виду не только открытых своих оппонентов. (Речь шла об имевшем место сознательном замалчивании

^{**} Лобанов М.П. Твердыня духа. М., 2010. С. 462.

^{***} Лобанов М.П. «Благословенно всё доброе на земле, всё страдающее и милосердное» / Из последней автобиографической книги. Публикация Т.Н. Окуловой // Наш современник. 2020, № 11. С. 238-248.

имени «признанного патриарха отечественной патриотической мысли» иными «записными патриотами», по его выражению, – теми, кто «о себе – на первом месте».) О «переписывании истории патриотического движения с «выбрасыванием» Лобанова, истории его жизни и более чем полувековой борьбы». «Перечёркивание моего имени в русской литературе, того направления в ней, которому я верен» – это его слова, М.П. Лобанова, это боль последних лет жизни писателя, участника битвы на Курской дуге.

У истоков русской национальной линии сегодня стали записывать свои имена совсем другие люди, большие чиновники. Мода, или спохватились? И эти подтасовки смешны, именно от них, от этих «крикливых, горлопановских» (по выражению самого автора книги «Убеждение») «ура-патриотов» он и натерпелся. Кто они – легко прочесть и просчитать. Уже не Лобанов, а другие теперь, как вдруг оказалось в новые времена в «первых передовых записных патриотах»... В связи с этой попыткой «замалчивания его книг, его направления в русской литературе», «переделыванием истории литературы» (причем, увы — не только открытыми недругами) М.П. замечает: «Дело не в том, что замалчивается моя фамилия, а замалчивается направление моей работы, направление, которому я верен».

«Мое направление должно продвигаться. Оно не продвигается, а нарочито замалчивается». «Дело не столько во мне, сколько в русском направлении. Я никогда не играл в литературу, я отдал целиком ей всю жизнь». (Может быть, сказал как-то сам М.П., здесь тот случай, о котором писал Вадим Кожинов в своей рецензии на мою рукопись (16 февр. 1981) о тех литераторах, которые не доросли до понимания её (критической деятельности), «внутренней значительности» (жур. «Наш современник». 2015, № 8).) Те именно оказались в списках патриотов сегодня, которые благоденствовали тогда, когда он, в вынужденной своей внутренней эмиграции, взялся за любимых русофилов Аксакова и Островского. Но и здесь его новый взгляд на известные вещи был из ряда вон выходящим, и книга «А.Н. Островский» в «ЖЗЛ» (1979) «вызвала целую бурю» (критик Юрий Павлов), подвергаясь остракизму за православную духовность и религиозность. А в 1994-1995 годах его работа над книгой «Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи» стала явлением. Именно в эти годы ненависть к фигуре Сталина достигла апогея. Искусственно разжигались гнев и ярость народа, подпитываемые нарочито устроенной бедностью и голодом большинства, даже нищетой во всех смыслах этого слова, включая Библейский.

После выхода его книги о Сталине он сам однажды сказал мне: «Если бы раньше прочитал твой рассказ «Сиделец», Василий, то непременно поставил бы его, как и живые страницы отца Дмитрия Дудко о Сталине, в свой сборник, в свою книгу «свидетельств о Сталине». И всего-то дел, казалось бы: старик-сиделец у бабки водки выпил, но как живо написано! В коротком рассказе – вся суть и срез целой эпохи». Конечно, я был счастлив. Выше похвалы для меня и быть не могло. Даже и не оттого, что он признал «руку» молодого тогда литератора, а потому, что посчитал строки рассказа достойными своей книги. Казалось, он увидел и во мне – бойца, стрелка. Позже рассказ был опубликован и получил премию им. Андрея Платонова «Умное сердце» (2011 г.) газеты «Гудок» (РЖД). Получается – и я выстрелил не «в небо», не «в белый свет как в копеечку», – в цель.

В самое жестокое для страны время 1991-1996 годов студенты учились у него стойкости и «непробиваемой» выдержке, «стоической», но – в православном понимании стоицизма (если такой симбиоз возможен). Для неправославных и вовсе не объяснимы его неизменная твёрдость, постоянство, непоколебимое рачение о ближних и в самое суровое время, если отсчитывать от окончания Великой Отечественной войны, – это 1991-1996 годы – он не менял убеждений. Даже принимая в расчёт, какой раскол (без всякого «кипения весёлого») был тогда в стране даже на низовом, бытовом уровне: кто-то ушёл в бандиты, кто-то – охранни-

ками в ЧОПы. Россия была в растерянности и разоре... В этом, похоже, и состояла подлинная суть горбачёвской «перестройки с ускорением». Ускорились так, что встали прокатные станы в Электростали – городе тяжёлого машиностроения. Военный завод («почтовый ящик»), где я работал, «переквалифицировали» под той же вывеской: «изделия» (военный термин оружия, боевых машин, детали для которых изготавливали на станках ЧПУ) – Госзаказ переоформили на иные «изделия»: кастрюли и гусятницы: разоружение, капиталисты стали внезапно «братьями» «в общем, в глобальном масштабе» (по словам первого президента). Бандитизм, безверие, раздрай. Три дороги оставались нам, молодым, в те угрюмые времена: в милицию – но туда-то попасть даже на самую захудалую должность было непросто, да и годиков было мне за тридцать. Или – в те «частные» охранные предприятия (где платили чуть больше, чем в милиции, но с задержками иногда по полгода), или – на рынок в торгаши. И это с техническим-то и высшим образованиями. Один из моих друзей так и поступил: окончив «Бауманку», встал на рынке у своего ветхого прицепа со стиральными порошками. Вот такое «своё дело» открыл он. Купил на складе – продал на рынке, с этого и живи-прозябай. А работа его с нанотехнологиями по насыпанию графитом и теплоизоляцией – прорывная, как потом оказалось! – побоку. Ни звание, ни защита диссертации – стали никому не нужны...

Нищета, отчаяние. Безгонорарные публикации, пустая, нищая, голодная «читательская» публика в Москве... Даже в Москве: на улицах и рынках, на вокзалах и за лотками сплошь – мешочники да лавочники. Жизнь они полностью подмяли под себя, эти самые торгаши, – и взирали с лотков на прохожих, как пауки из щелей взирали бы, выслеживая мух. Палёной водки – море разливанное. Пляски хорошие с подтанцовкой и ужимками уголовников – урок на блатные мотивы М. Танича с фартовым выплясом (и это со сцены Кремлёвского зала!) аферюг, и ту степ-чечёточка их: «Все на работочку, а мы бацаем свою чечёточку...». Милиция – и та с удовольствием подчинилась «блатной музыке» во всех смыслах слова, распальцовкам («музыка» – по фене – «блатной разговор»). И не где-нибудь, повторяю, а в самом Государственном Кремлёвском Дворце.

По телевидению – чернуха, «600 секунд» и «Красный квадрат». Вознесенский воспеваёт подтяжки убитого Листьева Влада – точно так же, как некогда воспевал подтяжки Высоцкого Владимира. Далась ему эти подтяжки! «За что боролись», как говорится... Тот, кто открыто вывалил напоказ духовную помойку – то есть был занят тем, что через телевидение за большие деньги пронимал до дрожи знобящими картинками разложения, тот, кто разводил «крыс» и душевную помойку, кто культивировал пороки, он самый, в радужных подтяжках, опять-таки заимствованных у американцев, и был убит и растерзан этими самыми выросшими и натасканными на живую кровь «крысами»... Этакая мистерия с жертвоприношениями во славу Золотого Тельца. Некая метиска-телеведущая, губастая, отвратная, с голыми ляжками и в кожаной короткой юбке – кривлялась в заставке на ТВ к её программе для молодёжи, как мастурбирующая мартышка – на анонсах: «Про это». А в интервью своих объясняла, что в мужеложстве и лесбиянстве якобы нет никакого порока: «Это заложено в самой природе...»

Отец мой, преподаватель электротехники, однажды смотрел-смотрел – не выдержал, подошёл и плюнул в «голубой экран», в это «публичное пространство». Актёр Филатов начитывал «Федота-стрельца, удалого молодца», уже заикаясь и прищепётывая (казалось бы – вот оно время и ему подумать о душе, на грани инсульта. Нет!) – и всё фотографировался: то с кошечками, то с собачками – какая прелесть! В этом вся суть актёрства: самолюбование. Страна летит в тартарары – а они, наши актёры, всё с кошечками да собачками... Удивительный инфантилизм, конформизм. Впрочем, чего же ждать в трудные времена от транслято-

ров чужих, вызубренных «под кино» монологов, написанных для недалекого зрителя? Впрочем: «Не трогайте артистов, проституток и кучеров. Они служат любой власти».

И «каждый вторник в шесть часов вечера», вернее – к шести вечера из далёкого пригорода, из самой Электростали ехали мы, студенты «Лита», опускались и поднимались по метро, по улицам великого града Московского, превращённого в 90-е в помойку, мимо угрюмого памятника Пушкину, с немым укором склонившего и выю, и главу, – тянулись мы по адресу незабвенному и теперь «Тверской бульвар, дом 25». К бывшему родовому фамильному поместью Герцена-Яковлева-«iskander», к Литинституту. «Каждый вторник, в шесть вечера» к Михаилу Петровичу Лобанову на семинары «по прозе». Хотя, какая «проза», когда в душе – смятение. Столько ропота и недовольства... Явная несправедливость и ложь мытарили нас: «...Я взглянул окрест – душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во...», – как принуждали нас учить наизусть «ревнителя прогресса и просвещения» «вольнодумца» (с масонской подоплёкой) «века Разума» Радищева, но ведь это, казалось, осталось в прошлом, но теперь-то, теперь, как же так. И, мы, максималисты, как многие по молодости, ставили главный вопрос: а зачем жить?! И вот в таком-то смятении духа вдруг слышал на семинаре от Лобанова: «Василий, пиши. Ты должен, обязан писать, несмотря ни на что. Пиши из себя, своё». Он словно отмывал, отстирывал и бережно отжимал наши души. И они снова вспыхивали, как «ландыши», по есенинскому слову. Духовная баня...

Этот жест его искалеченной на фронте правой руки – жест вперёд, от груди, от сердца, он как бы отдавал себя нам – разве его забудешь... Отдавал, отнимая что-то от себя, – снова последнее, как прежде, на фронте – последнюю краюху, найденную на дороге перед боем товарищам, которых, быть может, видел в последний раз. Или – как впоследствии, в университетские годы, когда мальчишкой-инвалидом Отечественной войны посылаа свой бережливый паёк – белый батон – младшим братьям в изголодавшуюся послевоенную деревню, – так и при встречах-уроках он делился с нами хлебом насущным, духовным. Так и виделось: отдавал последнее однопочанам, затем – сводным братьям, а теперь – нам, мне, ученику-«семинаристу» Василию Киякову.

...Вижу его въявь, как держит он очки за дужку. Плечистый серый рябенкий пиджачок... Отеческий взгляд – с таким порой состраданием, от которого сжималось сердце, – с таким пристальным участием, что не передать словом... Всех выслушает, а затем взвешенно, с высоты огромного опыта, даст своё заключение. И когда объяснял он нам главное – тончайшие пружины жизни и подземные невидимые рычаги и шестерёнки становились отчётливо скрипучи, слышны и зримы. И оторопь брала тогда: как же я-то этого не заметил, сам, без подсказки, ведь так очевидно!? И, вроде бы, знал и видел то же, что и Лобанов, но – не так цепко смотрел, что ли... Акцентировать, обобщать не умел как никто из встреченных мной по жизни. Прошёл мимо многого я, и за «пустяки» почёл многое важное, принял ключевое за что-то не достойное внимания. А вот он, Лобанов, посмотрел и – тотчас увидел. И именно то и увидел, и понял как раз то самое, что оказалось важным, обобщающим, итоговым. Он словно с другой стороны показывал предмет, со стороны совсем неожиданной. И тогда мы, ученики, обмирали от внутренней радости, от понятого, раскрытого нам во всей полноте Предмета.

«Предмет, предметность». Он любил это слово – «Предмет». Предмет как Божье изделие. Предмет как фактура – не выдуманное изделие, не метафора, а пережитое. Божье попущение или же – веление свыше. Прожитое, обдуманное, внутренним жаром опалённое. Тогда только высказанное на бумаге становится полновесным и только твоим, честно заслуженным собственным Опытом – ценнейшим – в сотворчестве с Демиургом. Это и есть Предмет в его понимании. А опыт такой предметно-

сти необычайно дорог и необыкновенно важен всякому, а уж писателю тем более. Всё не осмысленное и не поднятое до Предмета, непонятое – так и останется всего лишь попыткой разглядеть, разгадать, расколоть, расшифровать. Додумать. Слово это благодатное, лобановское, слово большого Художника, такое же ёмкое слово, как понятие: «внутреннее и внешнее». Любое – и грубое, и тонкое – он чувствовал иначе, острее, зорче именно внутренним зрением. Так у И.А. Бунина был обострённый взгляд на внешнее, а у Лобанова – на внутреннее, на тот мир, который невидим, сокровенен, но в то же время реальнее видимого. Постигнуть сказанное им в книгах, возвращаться как можно чаще к его наследию – вот мой совет всем литераторам, преподавателям, всем, связанным с искусством, а уж православным – тем более. И почаще бывать на его родине, в память о нём, в Екшуре, в ДК его имени – всенепременно...

Строг он был (к себе, прежде всего), и к общему нашему «писательскому цеху» необычайно. Как метко и со знанием дела оценивал: два-три слова по существу – и все в цель, в самую точку. Как пристально наблюдал он – до самых мелочей. И слова, и поступки – взвешивал всё на тех же весах: нравственность, вера, любовь. Совесть, благодарность, убеждение (три принципа, которые он вывел из опыта своей долгой жизни, по которым, по его убеждению, можно разделять людей)^{****}. И как же русские писатели дорожили его мнением!

В.П. Астафьев просил его написать предисловие к своей книге «Последний поклон». Его переписки с В.Г. Распутиным, В.И. Беловым – бесценны... Уверен, не было писателя, который не желал бы, чтобы о нём написал сам Михаил Петрович Лобанов. Даже среди либералов: пусть изругает, раскритикует, но упомянет хотя бы имя автора в печати – уже удача. С содроганием предполагаю, сколько потеряла литература оттого, что его замалчивали по указке сверху, что из-за травли и идеологических «разносов» партийными бонзами и либеральной прессой был он загнан в «ЖЗЛ». Но вот – написал «А.Н. Островского», «С.Т. Аксакова» – и опять промыслительный подарок. Это – не просто биографии «русифилов» и любимых писателей. Они все связаны, навечно стянуты насувшими временем, через «идеологическую борьбу между либералами, западниками и почвенниками» (его слова). Издавна горела и тлела эта война и необычайно ярко вспыхнула опять в начале 1990-х. И всё же – литература была для него даже превыше этой борьбы, так честен он был, выше же творчества и таланта – только Сам Христос...

Размышляю: возможно ли наверстать теперь то, что недосказано было им о современной литературе? Сколько не открытых им имён так и ушли, не обозначенные им, в неизвестность... Сколько талантливого народа из глубинки не получили благодатного помазания маслицем на лоб от него, от его искалеченной на фронте десницы!.. Но разве его в том вина? Дали бы говорить ему беспрепятственно, будь шире его аудитория, как расцвела бы наша литература! А среди всех могли быть, как говорят в народе, «набольшие». Не узнаем теперь о них никогда. И кто же посмел ждать от него и принять его заявление «об уходе»? Когда-нибудь откроется и это. Шила в мешке не утаишь. Однако он оставил нам свой, лобановский ключ к постижению «литературы и жизни» (по названию одной из его статей) – вот об этом явлении и просим теперь говорить.

«Дух, Духовность... Русский... – Нельзя!» – так решили: Ю. Андропов, А. Яковлев со товарищи. Хотелось спросить поимённо и у хитроумных закорпёрщиков «перестройки»: а почему, собственно, «нельзя»? Однажды в 1992 году я не выдержал и, удивлённый тем, что Лобанов так страдал от наскоков того самого А.Н. Яковлева, сказал ему возмущённо: «Неужели кого-то обидит, если я скажу прямо и просто очевидное: я – русский? В России скажу. Послушайте – вот даже в Германии, не где-нибудь, замечу особо, а в Германии самой, только что объединённой, – и там едва ли не на каждом столбе висят обращения: «Немцы». И никто не срывает эти

^{****} Наш современник. 2020, № 11. С. 238-248.

листы-обращения, не давит и не теснит за эти призывы, не преследует... И это в той Германии, которую через страшную кровь и скорбь мировую после двух мировых войн, в которых она была главной и решающей силой, Германию не только национально заорганизованную, но «нацистскую», фашистскую по сути и по самому смыслу её существования (я видел группы молодчиков в кожаных куртках и кожаных штанах, в ботинках подкованных, видел молодёжь профашистскую на улицах Берлина 92-го года! И никто не задерживал этих «скинхедов» на немецкий манер. Они отлавливали поляков, вьетнамцев, турок и избивали их). Едва-едва удалось разделить и огородиться стеной от их воинственности и национализма, удивительно! Не обижает никого из стран «толерантных» и это их «Deutsche!»-обращение к нации даже в восточной части Берлина – ни аусзидлеров, ни поздних переселенцев, ни эмигрантов в Германии. Разве все забыли, к чему привёл этот их тевтонский аппетит с идеей «сверхчеловечества». А и СССР в прошлом, и Россия теперь вынуждены всё время контратаками пробавляться: русский не чихни, не вздохни в ответ на любые агрессии и войны. Иначе скопом вся Европа навалится. Ведь всё, что было захвачено нами со времен походов Наполеона, – всё мы «вернули» им. «Вернули взад», как говорят в народе. Вернули и покорённую Германию, точнее – отдали страну-агрессора в орбиту США и Западной Европы. Без всяких репараций и контрибуций – безоглядно, по-горбачёвски отдали восточную часть разделённой *по заслугам* Германии. А из давней истории Европы наполеоновской: Александр Павлович, государь наш, в своё время дошёл с казаками до Парижа, помолился на бульваре Сен-Жермен – и вернулся назад, и казачков вернул (я имел в виду в том разговоре молитву царя в день Светлого Христова Воскресения с православным своим русским воинством *в земле иноплеменика*, на месте казни Людовика XVI, описанную Н.А. Шильдером). Или – всё та же Берлинская стена, которую по отмашке Горбачёва позволили разрушить. Ушли из Берлина, ушли из Прибалтики, Чехии, из Польши, Эстонии, Латвии, Литвы, сдали даже и «ридну мати-Украину»... И её тоже, оставили всё. Да разве только это... И вот: «я – русский» в самой России – не скажи! Толерантность или нетерпимость, что исповедуется сегодня, непонятна. Или просто предательство?..» – так говорил я М.П. Лобанову. А в ответ услышал: ««Ах, Родина, какой я стал смешной! На щёки впалые летит сухой румянец. Язык сограждан стал мне как чужой. В своей стране я словно иностранец...» – всё это было. Всё это уже было, Василий».

...Лобанов выслушивал нас внимательно. Он знал, что в августе 1992-го радиостанцией «Немецкая волна» за участие в литературном конкурсе, объявленном «Дойче Велле» в газете «Труд», я был приглашён в Германию и два месяца учился немецкому языку в «Гёте-институте». Учился у «носителей языка», осваивал немецкие акценты, так сказать. Такая была объявлена мне «награда» за победу в номинации *международного* конкурса в жанре «радиорассказ». И вот этот интересный подход немцев: обучить лауреата-писателя своему языку, показать свою культуру русскому молодому писателю, ошеломить довольством и достатком в сравнении с дефицитом бывшего Союза, и тем «перевербовать» в свою пользу – был ясен ему. Это же не просто послы, тут всё с дальним прицелом: влюбить в себя, очаровать, быть может, и проводником своих немецких идей сделать... Сытостью, удобством, довольством немецким приголубить. Вот-де: что там тебе твоя Россия, киндер-писатель! – голодная прихожая Европы. Вот, смотри, как надо жить – и разумеи: «гроссбир», свиные сосиски, и прочее. Угодливые «мензы» на каждом шагу. Такие «акценты» – я и сам сразу уловил. О них же говорил и «великий» – в понимании немцев – Ханс Магнус Энцербергер на нашем совместном выступлении в «Гёте-центре». (Вот откуда пошла и наши «Ельцин-центр», «Центр зарубежья», «Сахаров-центр», «Гоголь-центр»... – от лакеев-подражателей Европе.) Они увидели, эти подражатели, лакированную поверхность западной культуры – и поверили навскидку, сразу. Таковы

эти самые «акценты». А мы и свой-то язык на уроках в школах и вузах сокращаем и сжимаем до предела. Так сжимается бумага в костре пожараща всероссийского, зато английский вводят повсеместно. Может быть, мы уже завоеваны, мы оккупированы, страна-победитель?

«...Как же ты выдержал там два месяца совсем один, – спросил Лобанов при первой встрече. – Я и двух недель там не прожил бы, в этом «погружении в чужбину» ... – И попал в самую точку. Пришлось признаться, как я был поражён обилием пищи и вещей, особенно в западной части Германии. Обилием совершенно не нужным, излишеством, которое некуда деть. Сорок пар носков одного размера и всяческой раскраски. В то же время в нашей стране крупа была по карточкам, по два кило в руки, мыло – по куску в месяц. Водка и табак только у спекулянтов с шестизначными астрономическими ценниками... а там – сияющие бронзовым и золотым отливом здания, блистающие машины на промытых с шампунем шоссе. ...Я поделился наблюдением, что при всей их сытости... глаза у них пустые, как пластмассовые пуговицы на пальто. Улыбки – натянутые. Доброжелательность – явно фальшивая. Попроси реально чем-то помочь при видимом участии, да вот хотя бы и дать на билет десять марок, и последует недоумение, улыбка слетает с лица, проверено личным опытом. И потому, признался, я так соскучился по родине, так скучал, что нашёл в парке уголок на Хайденберг-штрассе, островок России с берёзкой и небом. Снимал ботинки и садился босиком на траву у берёзки, чтобы не было видно небоскрёбов, чтобы сердце отошло...

Ах, Рязань, Рязань моя, ах, моя Вятка... Как же я заболел ностальгией! Эта ностальгия, как оказалось, тяжелее всех болезней, даже и с COVID-19 вместе взятых... Я купил приёмник и держал его под подушкой. Частушки Трухиной на средних волнах приёмника, через треск и заунывные шумы – единственно и лечили меня от тоски, помогали хотя бы заснуть.

Никогда не забыть и взгляд, с которым он слушал. Он был чуток к людям, а к ученикам – в особенности. И это тот человек, который нашёл и выбрал для учёбы в своём мастер-классе даже и Виктора Пелевина... Разве это не демократизм, в отсутствии которого его смели упрекать яковлевы? Подлинный, честный «демократизм», внутренняя свобода. Казалось бы, что у них общего? Дар учителя – не *утилитарного* человека. «Демократичного консерватора» (как сказал кто-то из студентов). В его «духовных теплицах» росли и согревались всякие, даже самые причудливые и необычные цветы, лишь бы жила теплица среди мороза. Пусть и по-гаршински с «Attalea princeps», с заокеанской пальмой-Пелевиным, например, лишь бы был плод... Думаю, даже уверен, что мы увидели бы и совсем иного Пелевина, настоящего, а не проект «АСТ» – если б он доучился у Лобанова, если бы не был отчислен – нашли бы его ярче, содержательней, глубже, и знали бы его теперь как настоящего писателя, а – не полемиста, не «поп-артовца», спорщика с действительностью, пишущего «про отрезанные ноги в лётных училищах» и про «пустоту». Нет сомнений: тех, кто выучился у Лобанова, нельзя прочесть так, как читают сегодня изготовителей легковесных литературных изделий: прочитал, скоротал время (пусть и не без *первичного* интереса порой). Закрыв книгу, и – тотчас забыл. Лобановское носишь годами, десятилетиями, переосмысливаешь, передумываешь.

...И ещё о Германии. Надежда Середина, студентка из Воронежа, рассказывала мне в тех же 1990-х, как она сидела с правкой повести в его квартире на Юго-Западе Москвы. Вдруг – звонок в дверь: «Помощь гуманитарная». Девушка из соцзащиты уже предчувствовала радость, которую она внесёт и в эту квартиру очередного фронтовика. Начала выкладывать с улыбкой кормилицы соевое масло в двухлитровой жестяной банке, галеты, сухое молоко в огромной блестящей упаковке:

– Это от немцев.

– От кого? – не сразу понял, уточнил Лобанов.

– От немцев, говорю. Помощь благотворительная, – со снисхождением к наивному удивлению этого пожилого человека отвечала разносчица.

– Вот немцам и отнесите всё это, – был ответ.

...Вспоминал я, радуясь за Екшур, за получивший имя Лобанова ДК и припоминая милые сердцу встречи с ним на праздниках. Он, как я помню, праздновал лишь День Победы да тезоименитство, именины – день памяти святого Михаила Архангела (Святой Михаил Архангел – Архистратиг, Глава святого воинства Ангелов и Архангелов). И праздновали мы чаще всего не день рождения учителя 17 ноября, а – тот же ноябрь, но 21 числа. Он гордился своим именем, и причастностью (по имени) Архангелу Михаилу хранил память Его. «Всю нечистую силу сверг мой святой», – сказал он негромко однажды. И сколько же цветов, сколько радости, фотографий и пожеланий было на таких встречах! Как теперь вижу: стаканчик из пластика в его руке, в стаканчике шампанское. Лучистый взгляд небесно-голубых его глаз. И эти полстаканчика игристого он пил час – и не допивал, скромно ставил на стол, принимая цветы охапками от вновь и вновь приходящих. Тех, кто давным-давно окончил Литинститут, не забыв навестить его в заветной аудитории № 11. И как он радовался, протягивал по-персидски руки навстречу: «О-о, Василий, Александр! Мои дорогие!..»

Скромнен был удивительно. Никаких подношений не терпел, не брал. Однажды один из нас, дипломников, «просачковал» и не принёс к сроку преддипломную работу, что было обязательным. Тогда он, студент, догадался сделать так: чтобы не осрамиться перед учителем, купил дорогой японский кассетник-магнитофон, записал беседу трёх старух в электричке, переписал-переложил от руки их диалог и напечатал на машинке всё то, что «стенографировал», чуть подредактировал – и принёс Михаилу Петровичу, пытаясь выдать подделку за «эксклюзив». Я никогда не видел прежде учителя таким рассерженным. «Что это? – спрашивал он, возмущаясь. – Это что?» – «Повесть», – робея, отвечал студент. – «У вас защита на носу, а вы приносите мне запись какого-то обывательского партсобрания!..» Тогда студент не нашёл ничего лучше, как предложить: «Михаил Петрович, а можно я вам свой дорогой кассетник принесу? Чудо, что за магнитофон! Настоящий японец!..» Взрыв ещё большего негодования потряс стены аудитории: «Конечно, несите, да поторапливайтесь! Несите ваш магнитофон. Но в бумаге, в виде хорошей повести или – рассказами! Вот ещё, выдумал... Магнитофон!..»

Однажды был я свидетелем, как заочники, собравшись во вторник, разложили ужин. Сухую колбасу, хлеб... Удивительно совпало. Все работали и учились заочно. Один привёз горячие батоны из пекарни на Новослободской. Другой – колбасу сухую черкизовскую (он работал там в охране, на Черкизовском мясном заводе). Третий – молоко лианозовское... Пир горой. Я с удовольствием кусал, ломал, резал и жевал с моими гостеприимными друзьями. Михаил Петрович, в очках, лицом к нам, просматривал рассказы и повести к предстоящему обсуждению. Снедь была до того вкусна, что я не удержался, нарезал бутерброд, налил чаю из термоса, принёс и поставил перед ним. Он молча посмотрел на меня поверх очков и вновь углубился в чтение... Ребята поняли мой жест доброй воли по-своему. И вот уже угощением был заставлен первый стол для учителя, и мы с радостью ждали похвалы. Как же, поделиться – первое дело! Не тому ли учили нас наши родители с младых ногтей? Не тому ли же самому и он учил нас всегда? Каково же было наше удивление, когда, дочитав рукописи, глядя пристально нам в лица, он несколько рассерженно и деловито сказал: «Так, всё? Всех присутствующих переписать в журнал. И убрать всё это! Какое-то паломничество, честное слово!..»

Это его точное: «паломничество» – никогда не забыть. За ним надо было записывать, ходить с карандашом и блокнотом. Я однажды так шутил и сказал ему. «Вам, как Гёте, своего Эккермана-секретаря надо

бы. Вы греете этот мир высказываниями, как грел бы зиму огонь при открытой печи». – «Вот уж чего я не хотел бы, Василий, так это – испортить кому-нибудь жизнь обожанием своей персоны, как Гёте испортил жизнь Иоганну Эккерману. Запретил ему жениться, запретил, по сути, саму свободу и даже сам мир Божий! Ради себя любимого, ради гениальности своей... Так мнить о себе – позорно. Будь ты даже Гёте».

До сих пор повторяют: «диссидент Окуджава», «диссидент Вознесенский», Евтушенко, Ахмадулина... И Василий Аксёнов – тоже «диссидент». Какие же это диссиденты, – в золотых пелёнках прожившие? Из-за границ не вылезали! Лобанов – я вижу – вот кто настоящий «диссидент»! Но, во-первых – он настоящий русский патриот. Никогда не был антисоветским диссидентом, обласканным Западом (как не был обласкан, к примеру, и знаменитый священник, духовный писатель о. Дмитрий Дудко).

Уже в поздние советские годы за правду об испытаниях, выпавших на долю русского народа, о голоде 1933 года, на него, на Лобанова, обрушился гнев дорастающего до «генсека» Ю. Андропова, потребовавшего принять специальное постановление ЦК партии, осуждающее статью Лобанова «Освобождение». За такое «диссидентство», *за действительный русский патриотизм на Западе не платят ни славой, ни долларами, ни учёными званиями, ни докторскими мантиями, ни почётными лауреатствами* (это хорошо чувствовала Татьяна Глушкова, говорившая о «литераторах типа М. Лобанова, которые понимали, что именно невостребованность Западом может сделать честь русскому патриоту»).

Прощение и всепрощение наше не имеет границ... Вспомнить только зав. отделом пропаганды ЦК КПСС Стукалина и зав. отделом культуры Шауро – и подачу ими докладной Андропову. Вспомнить давление на Лобанова-писателя многих и многих даже очень авторитетных и влиятельных критиков и чиновников. Его тиранили хорошо устроенные замы и завы из числа тех, кто поддерживал тогдашнего председателя отдела пропаганды ЦК КПСС А.Н. Яковлева. Сколько их и сегодня, не прозревших... «Слепота!» – как-то сказал Лобанов о них. «Но слепота ли, Михаил Петрович? Может, это не глупость, а измена?» – хотелось спросить его. И он понимал, что □ это за слепота, и я смолчал: не хотел причинять ему боль...

За что били его? За ответственное напоминание всем о том, что именно здесь, в России, главное-то в мировой истории как раз и свершается. Что «Дух» и «Духовность» – не фикции, не некая безгласная субстанция, а самая насущная реальность. Докладные записки на Лобанова, как много их было в его жизни... Писали чиновники, писали и жаловались коллеги-преподаватели. Случалось, даже и «ученики» писали доносы. Как многое мы забыли, как много всего «простили» так легкодумно и доверчиво... Космополиты гнали его, русского, за русскость, при этом сами никогда не бедствовали. «Перестроились» очень быстро, почти мгновенно, и мстили патриоту, да ещё и партийному. Лобанов вступил в партию в 1954-м. И не скрывал этого, не стыдился, не жёг партбилет на телевидении. Всегда был собой, вызывая огонь на себя, – даже не на «батарею» свою, тушинскую, не на соратников и друзей, – а на самого себя прежде всего, и осознанно. Очень сожалел, что сняли главреда «Волги» Николая Палькина, где и поместил Палькин его «скандальную» статью, всю жизнь жалел. «Волга» – журнал, который стал знаменит лобановским «Освобождением». «Вишневый омут», роман Михаила Алексева: жгут сады... И вот – его же «Драчуны». И Лобанов не может не отозваться на народную беду. Он пишет про раскулачивание. И опять накинудись!..

Проханов рассказывал, как «АНЯ» (партийная кличка А.Н. Яковлева), – приобняв однажды, пытался, картаво выкатывая слова и иронизируя по поводу убеждений, – перевербовать его, Проханова А.А., в «демократы»... Лобанову он не рискнул бы даже намекнуть про этакое, не то что предложить такую «новую» доктрину и тактику, никогда не решился бы, знал: неподкупный русак не стерпит и двух слов намеченной «перевер-

бовки». Ответ был бы слишком очевиден, предсказуем. Лобанова с подачи Яковлева и по велению Андропова вызывали на Лубянку. Он рассказывал: «Вошёл в проходную. Сдал паспорт, получил пропуск и пошутил, сказав прапорщику-аудитору на телефоне: «К вам вход копейка, выход рубль». Но кагэбэшник-командант так взглянул на него, что шутка повисла в воздухе. Зайдя в каменный мешок, как в западню, он не верил уже, что выйдет оттуда...

«Таскали» на Лубянку и священника о. Дмитрия Дудко, который позже приходил к нам на семинары. Невысокий, необычайной крепости и фонтанирующий энергией священник. Вошёл в аудиторию второго этажа (лобановскую аудиторию) батюшка Дмитрий в широкой – «в пол» – епитрахии. Семинар в тот день первой нашей встречи длился часа четыре... О. Дмитрий пытливо и молодо переходил, почти перебегал от парты к парте к каждому студенту. Каждого спрашивал сам и отвечал на вопросы с шутками-прибаутками, отвечал экспромт-афоризмами, чем всех нас сразу и совершенно очаровал. Вразумлял нас, молодых остолопов... Реагировал мгновенно. Это в его-то годы, которые принято называть «преклонными»!

Михаил Петрович однажды рассказывал, как в конце восьмидесятых годов оказался с выпускником своего семинара Женей Булиным (ныне протоиерей отец Евгений – настоятель храма Михаила Архангела в селе Загорново в Подмосковье) и Николаем Тетеновым из США в подмосковном Черкизово, где служил в храме и проводил беседы с молодыми прихожанами священник Дмитрий Дудко. «Устали в тот день смертельно, – рассказывал Михаил Петрович. – После долгого ночного разговора лёг я на диван в небольшой комнатке батюшки, за тонкой дощатой переборкой, отделявшей нас. Так устали от переездов и выступлений, – словом, «вряд до места», как говорят рязанские, до кровати добраться бы... Проснулся вдруг от какого-то еле уловимого движения, шёпота. Отец Дмитрий подождал, пока все заснут, утомлённые заботами и хлопотами дня, встал и – тайно молится, молится, молится...»

Затем я прочитал об этом эпизоде в его книге «Твердыня духа». И здесь он уже не говорит про усталость. Сколько скромности в этом эпизоде о «недостижимости» священника, который по рукоположению и ответственности перед Богом – не ровня нам, мирянам, в духовном надмирном плане. Священник, который, молясь, как бы перемещается в высшие сферы – в сферы Духа. Как непритворно уважал он сан иерейский, монашество, благоговел перед подлинным старчеством!.. И как чужд был сам всякой гордыни, превозношения. Вот эти строки – и его сосредоточенная «внутренняя» сокровенная интонация, которую, конечно, почувствует и читатель: «Уже в конце восьмидесятых годов мы втроём – выпускник Литературного института Женя Булин (ныне отец Евгений), Николай Тетенов из США, редактор журнала «Русское самосознание», и я приехали в подмосковное Черкизово, где служил в храме о. Димитрий Дудко. После вечернего Богослужения, трапезы с участием большой группы молодёжи – духовных детей батюшки – мы отправились на ночлег. Я лежал на диване, а за перегородкой стоял отец Димитрий и полушёпотом читал молитвы. Днём мы прогуливались с ним по берегу Москвы-реки, удивительно широкой здесь, разговаривали на разные мирские темы. Для меня он был Дмитрием Сергеевичем, чуть ли не коллегой по литературе. И вот теперь, слушая за перегородкой молитвы отца Димитрия, я почувствовал недостижимость его для меня, и все наши недавние дневные разговоры были как будто с другим человеком. Было уже за полночь, глаза мои слипались, одолевал сон, я со всё меньшим вниманием прислушивался, а он всё молился, молился, молился...» («Твердыня духа», с. 940). О. Дмитрий Дудко – о М.П. Лобанове, о 60-70-х – нач. 80-х гг.: «Я Лобанова давно уже заметил по его произведениям, они мне очень нравились, были удивительно духовны. Как он всё хорошо понимал в безбожный период в нашей стране и безбоязненно

обо всём говорил. Его статья «Освобождение» наделала большой переполох. Лобанова наказали. Вот они герои, а всё выставляют кого-то, кто им и в подмётки не годится. Мучаются другие, а лавры пожинает кто-то, но забывают враги, что есть Промысл Божий, есть Грозный Судия, по выражению Лермонтова: «Тогда напрасно вы прибегнете к злословью, оно вам не поможет вновь». Я почувствовал в Лобанове по духу сродное мне» (Священник Дмитрий Дудко. «Шторм или пристань». М., 2001)... И вот от быта – мы, ученики – бежали к Лобанову, в духовную баню, повторяюсь. Именно так. Порой жёсткую, с переменой полюсов и смыслов. Затем мгновения милосердия – зарницы. Как редко, как горестно редко радуют эти всполохи-зарницы! Приоткрывая другой мир – настоящий, подлинный, который мы, простые смертные, видим «как бы сквозь тусклое стекло, гадательно».

Творческий конкурс в Литинститут в 1991-м был, к моему удивлению, пройден мной сразу на два потока: к Евгению Сидорову на критику и к Лобанову на прозу. Собеседование было последним из пяти. И решающим – мастер сам отбирал учеников.

«...Так у кого же ты желаешь учиться?» – был задан мне вопрос на этом главном и последнем экзамене-собеседовании. (По результатам творческого конкурса и этого последнего экзамена преподаватели, включая «оппонентов», пытливо присматривались к каждому абитуриенту.) В ту пору литература и сами писатели были в большой цене. Писатели были интересны, ценимы, уважаемы. Они задавали тон и направление мысли. К ним прислушивались, на них настраивались. А.Б. Чаковский – даже и тот собирал огромные залы. Теперь его вряд ли кто вспомнит, а тогда... Пройдя творческий конкурс, сдав экзамены, я задумался. А подумать было о чём. Вспомнил «синтез», синтетику Евгения Сидорова и его разрекламированные дружеские связи с Евтушенко и иже с ним, книги его, какое-то многословие, от которых в душе ничего не осталось. И полнокровные, полные энергии и жизни книги Лобанова. Конечно, я мечтал печататься. И ясно было, что Сидоров (в случае поступления к нему) может открыть широкие врата в издательство. Но не станут ли эти врата «вратами адовыми» – читай «либеральными»? А Лобанов? Лобанов научит писать. И тебя не напечатают, наверное... И, конечно, ты будешь сам биться в редакции, потому что такому человеку не скажешь: помоги, устрой рукопись!..

– У Лобанова. Только у Лобанова, – отвечивал я приёмной комиссии.

«Оппоненты» Мариэтта Чудакова и Анатолий Приставкин недовольно переглянулись, заёрзали за широким столом, крытым зелёным сукном:

– А почему?

– Я хочу быть плотником, учеником плотника (я намекал на Писание).

– А столяром? – парировал Приставкин.

– Столяр – нечто иное. Не о столярном рубанке и клее речь...

И я увидел, как он, Михаил Петрович Лобанов, сидя с краю и улыбаясь, подмигивает мне, но так, чтобы никто не мог увидеть, тем глазом в профиль, который обращён ко мне, с моей стороны, и так скрыто-задорно, что и мне самому стало весело. Подмигнул мне – ободрить, чтобы никто не заметил... Было в этом нечто от пушкинской шутки и от есенинского озорства. Излучалась забота отцовская от забавного подмигивания в самую нужную минуту. Теперь-то понимаю, что я (по молодости) заметно волновался перед столь представительной комиссией, в которой не знал и половины докторов наук и профессоров, и запомнил его, Лобанова, заключительные слова, сразу снявшие напряжение:

– Хороший плотник – он же и столяр. И критику не оставим, и прозу подтянем. Берём!..

Он учил, что литература – не забава, а сама жизнь. Точнее, ток этой жизни, её кровь – Литература (именно так, с большой буквы). Не игра в «сюр-» и «пост-». А поиск самого фермента – тонкое наблюдение, способ-

ность убеждать образами, которые (в отличие от журналистики) остаются на века. Литература – то, на чём воспитываются поколения, как на любимом романе «Тихий Дон». Не случайно он и перед самым своим уходом вернулся именно к этой книге. Отними у нас классику: музыку Свиридова и Рахманинова, поэзию Пушкина и Лермонтова, прозу Толстого и Достоевского – и мы нищие, не великая нация. Не оттого ли немцы рассеивают по всему миру – как клён канадский по ветру пускает семена, как борщевик – свои языковые центры, «Гёте-институты», «Американские центры», «Американские клубы образования», «Центры английского языка», «ВКС-international House», «Языковой центр Cherrylane» и прочие; перековывают в свою «веру», добиваются порою не только лояльности, а через гранты – прямо-таки поклонения своей культуре?.. И здесь необходимо отметить усердие иностранцев, внимание к литераторам из России, – понимают, кто и как именно сможет повлиять на сверстников, кто привезёт и укрепит влияние их культуры на русский «общинный менталитет».

В связи с такого рода влиянием нового и старого света на молодёжь вспоминается, как однажды наш учитель пришёл на семинар, был чернее тучи. Из лазарета больничного он ушёл, ни у кого не спрашивая разрешения. Было так. Семинар наш, намеченный на ближайший вторник, – накануне отменили, случай – редчайший. Лобанов был во вторник всегда. Вёл семинары, что называется, «без дураков», и, приди я один, или любой из нас вместо двадцати учеников, – он и для одного вёл бы урок, не отпустил бы. Два-три часа, по обыкновению своему, он вёл бы семинар по мастерству так же пристально, не считаясь со своим временем. И вот – вдруг семинар отменён, что такое!.. И случилась отмена в канун дня и ночи расстрелов октября 1993-го. Мобильных телефонов тогда не было, а оповещали студенты друг друга – по стационарным – тем примитивным, дисковым, что работали на проводе (да и те не у каждого были, «сарафанное радио» дополняло недостаток аппаратуры). И вот известие горькое: Михаил Петрович лежит в клинике с серьёзным диагнозом. Рецидив, обострение поражённого лёгкого с тех ещё давних ростовских времён, боль застарелая, хроническая... Лёгкие, альвеолы повреждены, донимает кашель, слабость. Он периодически проходил обследование, но тут открывшиеся каверны принудили к стационару. Конец сентября – снова затемнение, воспаление плевры. И вот – атака на «Белый дом» – и объявление из деканата: «Лобановцам-семинаристам собраться во вторник на семинар. Непременно». Конечно, светлая радость сначала: «...значит, подлечили, значит здоров?..».

И вот вошёл. Высокий. Голова по обыкновению чуть закинута назад, по-монашески космат, седовато-рус. Но в тот день более обычного закинута назад голова, прямая спина, что значило: он внутренне напряжён. Повесил гороховый плащик на вешалку в аудитории. «Все собрались?» – «Все». И вдруг – вскинув брови, стоя: «Стрельба. В столице! И это – в самом центре Европы! В Москве!.. По своим. По народу!.. Что это? – взволнованно говорил он нам. – Какой позор на весь мир! Как в какой-нибудь Замбии или Бангладеш! Что происходит?!»

Оказалось, как мы узнали впоследствии, что там, в больнице нередко ложился и подлечивал лёгкие от последствий туберкулёза по Ростову, переросшего в хроническое недомогание, мучившее его постоянно), – он по окончании процедур вышел в холл, где больные любовались телевизором. В общем зале клиники на этот раз – скопище. В стационаре смотрели «Новости», против «рецепшена» висел телевизор. Он смотрел и никак не мог понять, отказывался верить, что это будни Москвы октября 1993-го. Принял «Новости» за художественную картину какого-то умельца из новомодных. Такие вставки бывают: режиссёры, ничтоже сумняшеся, не смущаясь ничуть, смешивают будни с фантастикой и в «тело» сценария вставляют нечто фантастическое вроде прибытия инопланетян и внезапной войны с ними. В тот же день он покинул больницу, не доле-

чившись. Просто ушёл, кашляя и задыхаясь. Он и с нами говорил в тот день, подкашливая, бледный, даже серый лицом. Но об этом его «побеге», повторяю, мы узнали лишь спустя годы после стрельбы по Дому Советов (он не переносил слов «Белый дом» – этокого *реверанса* Америке). И я сам через годы снова с благодарностью ему вспоминаю об этом. В этом он весь: ушёл из клиники, не завершив поправку своего здоровья, чтобы успокоить нас, своих учеников, по-отцовски или даже по-матерински, чтобы объяснить ситуацию так, как он её видел. Собрал нас, как собрала бы птица в своё гнездо птенцов, чтобы сберечь от опасности.

И при всём сказанном – удивительно: не все его студенты разделяли его убеждения. Даже не так: разделяли – но не многие, как я теперь понимаю, понимали только избранные. Не всё бывало гладко и в преподавании. Произносились, слышались порой и провокационные реплики от студентов-кретинов. И как же было стыдно за вопрошающих, за эти вопросы-ремарки «с подтекстом»! И жаль было его, когда он отвечал им, порой смущённо (за нелепый вопрос от «младо-либерала» ученика), но всегда – пояснял взвешенно, доходчиво, корректно, явно жалея самолюбие вопрошавшего, которого и самого за нелепый его вопрос мы, молодые тогда и жадные до истины, могли поднять на смех всей аудитории. Понятно, Лобанов мог так ответить – отбрызнуть так, что только держись. Но нет, не уничтожал, не унижал, и понятно, ведь тогда осмеянный собеседник-ученик был бы взбешён, затаил бы ярость и носил бы камень за пазухой. Михаил Петрович вообще никогда не довлел, никого не давил, «не нависал», не навязывал своего мнения. Каждый шёл своим путём...

Никогда не было и любимчиков у него, как и нелюбимых. Его, будто бы, упрекают порой в антисемитизме. Это от незнания самой лобановской сути и мировидения его. У нас на семинаре учился шесть лет Игорь Кецельман, приезжал из подмосковного города Пушкино. И ни разу не было сказано ничего обидного, что смутило или задело бы его хоть маломальски. Только раз Кецельман что-то «заподозрил», да и то – нашёл с чьей-то лукавой подачи, верно, – с домыслов неких подозрительных юнцов безусых – упрёк в адрес корневого русского писателя, прошедшего войну, – нечто в давней полемической периодике 1970-х годов, а вовсе не в обсуждении, не на нашем семинаре. Игорь благополучно окончил Литинститут, защитился уверенно – качественно созданными рассказами о московском зоопарке, где работал по окончании биофака института. Впоследствии печатался в журнале «Октябрь», в журнале «Подъём», в других журналах. Мы были дружны с Игорем, и это только один из многих, которого я знал. А сколько прошло таких ребят за его, Лобанова, более чем полувековой стаж преподавания...

«За всю жизнь мне так и не пришлось встретить человека, который с таким чутким вниманием, граничащим с отцовской любовью, относился бы к творчеству своих подопечных. Для него все мы, невзирая на лица и возраст, национальность, убеждения и на меру таланта, были учениками, его студентами, по-родственному близкими, за которых – и это ощущал каждый – он нёс какую-то высшую ответственность, своим собственным примером являя нам исполнение нравственного закона. В то безбожное, полное политического лицемерия время он был для нас евангельским самарянином, который врачевал наши души, возливая на немощи наши «вино и елей» мудрости и любви», – прочитал недавно я в журнале «Славянка» (2018, № 1) эти слова выпускника семинара Михаила Петровича 1980-х годов Сергея Тимченко из его статьи «Лобановская твердь» – предисловия главного редактора к открывавшейся в журнале новой рубрике «Лобановские чтения». Именно! Как это верно! М.П. нёс какую-то высшую ответственность, всем примером своим являя исполнение «нравственного закона» – как это точно сказано. Мудрость и такт Лобанова были как будто не от мира сего.

...И вот – Екшур, и Дом культуры в его родовом селе, наконец-то признание. Неужели что-то меняется? Неужели мы выбираемся, выходим,

выдираем ноги из этого (более тридцати лет) сдерживающего нас болота невежества и халтуры? И как всё-таки поздно. Но попытки выдраться были и раньше. Я знаю, что сам Президент поздравил его, Михаила Петровича, с девяностолетием. А, прислав поздравительное письмо, сразу после этого – вылетел в Екатеринбург открывать «Ельцин-центр»... Да, ещё и «награда» к этому юбилею (при полном молчании официозных СМИ) – русскому писателю, фронтовику-орденоносцу – казённый чайный сервиз с гербами. И это при том, что орденами «За заслуги перед Отечеством» награждали гитаристов, открыто исповедовавших «дзэн-буддизм», и атеиста, который собирал барыши в свой карман со сцены опять-таки под гитарку и всё «искал свою синюю птицу удачи», награждали и автора блатняка тем же орденом... Поразительно. А М.П. Лобанов, фронтовик, инвалид войны, преподаватель, профессор, автор многих книг, и каких книг, не достоин правительственной награды. (Знаю, пылился сей дар «данайцев» у него за городом и по сей день не распакован, ожидает решения своей участи, в лучшем случае – отправки в будущий краеведческий музей на родине М.П. Лобанова)... Из замечаний к последней книге Лобанова «Убеждение»: «Меня, фронтовика, участника битвы на Курской дуге, могли поддержать на склоне лет, как это делают для своих ветеранов-шестидесятников либералов <...> Ко мне же никакого внимания; написанные мною за последние 9 лет 10 книг (в том числе главные для меня — «Твердыня духа» и «В шесть часов вечера каждый вторник» не были отмечены ни одной премией». – Вот как сказал о. Фёдор, монах Свято-Троицкого Александра-Свирского мужского монастыря, молитвенник Русской Православной Церкви, старец теперь, а в прошлом – выпускник Лобанова писатель Юрий Пономарёв, духовная связь с которым сохранялась десятилетия до самого ухода учителя «в мир иной»: «Горько было слышать что смерть, уход из земной жизни выдающегося русского писателя и мыслителя, фронтовика-орденоносца была обозначена тенденциозным замалчиванием, глушением бесстыдным его имени официозными СМИ (которые в то же самое время демонстрировали, как президент обнимал, поздравлял с каким-то юбилеем некоего комика). Как будто можно вырезать из истории России имя одного из лучших, самых верных её сынов». «Слово об учителе, наставнике, друге», воспоминания монаха о. Феодора о Лобанове дорогого стоят, а переписка-разговор их, верующих православных писателей, двух недюжинных умов и характеров, была опубликована в книгах М.П. и озаглавлена так: «Дорогой отец Феодор!». «Приеду из Екшюра, обязательно перечитаю, – думал я, – так тонко о самом насущном, существенном мало кто сказал...»

...Тайна жизни всякого человека «велика есть». А тайна Михаила Петровича Лобанова – тройне. Всё пытаюсь найти, объяснить себе, в чём кроется тайна его избранничества? В тяжкой ли боли от болезней, в последствиях военного ранения? В старчестве ли его... Или в тяжёлых муках и размышлениях о будущем России, развале СССР, который он переживал тяжелее всякой болезни, даже страшнее мучившего его всю жизнь, так и не залеченного до полного выздоровления туберкулёза. Откуда ему этот дар и это наказание – боль русской души за весь род людской, и за свой народ в особенности? Это «Мужество человечности» (по названию одной из первых его книг). Эти мука и благодать, ему посланные несомненно свыше, как они нашли именно его? Что это, избранничество?.. За трудно и тяжело прожитую жизнь, за ту тоску вселенского одиночества – и в молодости, когда «не было сил пройти от стены до стены» в съёмной ростовской квартирке, – дистанция длиною в долгую-долгую жизнь, и – вдруг озарение Благодати, как признавался он: «нестерпимая любовь, жалость и нежность» посетили. Отсюда – и «Твердыня духа», отсюда – и «В сражении и любви», и его «Страницы памятного»...

Добавить хочется, конечно, ещё о «мужестве человечности» его, как я попробовал сказать прежде в этой статье, – о нравственной стойкости,

духовной крепости его, без которых боль его всегдашняя *русская* не стала бы деянием, деятельной жизненной позицией...

Бессребреник, избранник Божий – именно через страдания. Его сила, его корневая система любви и веры помогли ему вынести то, что творилось и со страной, и с отдельными людьми. Выдержать то, чего иные и не поняли, и не приняли, и не смогли бы понести. Или – протерпели бы, как терпит растение или животное... Он «переплавил» в духовное – боль свою и жажду счастья родине. Цель литературы, по его словам, цель писательства и смысла писательства – за бытом отыскать Бытиё. То, ради чего стоит жить.

И вот – четверть века после той пресловутой «перестройки»... Сколько труда, чтобы учеников вытащить и образовать. Не «образованцами» отпустить в жизнь, не «просвещёнными мещанами», а людьми вполне определившимися – «со стержнем». Скольких он вывел словно из-под огня, как из фронтового окружения, сохранив и знамя, славу и честь. Сколько их было, спасённых им душ, за пятьдесят один год его преподавания в Литинституте. Из того страшного времени «озверения», из кольца воинствующей пошлости, из кольца кричащего материализма он вывел нас за плечи, под руки. Никто не сел «на кичу», не попал на зону (даже в то время), никто не опозорился как бессовестный рвач (по крайней мере, я не знаю таких примеров). А кто не научился писать – и тот не пропал, получил от него страховку и опору. Порукой тому – одно из последних его интервью с крепким и недвусмысленным названием: «Наш народ попал в талмудистскую западню» (газета «Русский вестник», № 5 за 2015 год – отрывок из большого интервью выдающегося писателя). Поистине, «ума холодные размышления и сердца горестные заметы».

...Иногда живу так, как жил он. Точнее, пробую так жить, чтобы не было бы стыдно и впоследствии никогда за свои поступки. Пытаюсь видеть и слышать его – «за» и «по ту сторону» жизни земной, которая вся (повторю ещё раз слово апостола) – проходит как «сквозь тусклое стекло, гадательно». Пытаюсь отыскивать следы невидимые уже в мире этом и нахожу мир (невидимый, сокровенный, который – значительный видимого, если говорить словом Лобанова), как умел видеть только он. Пытаюсь направить взор в даль духовную, чтобы годы радовало содеянное, – чтобы, совершив тот или иной поступок в жизни или в убогом писании своём, противостоять преградам – «внутренним и внешним» (напомню, что именно так и называется одна из его книг: «Внутреннее и внешнее», где он утверждает, что духовное очевиднее внешнего, видимого этого мира «данного нам в ощущении») – пытаюсь жить, сопротивляясь конформизму, плесени бытийной, духовной лени, искусам, через которые суждено пройти каждому из нас, и в большом и в малом. И думается тогда: если здесь и сейчас я поступаю именно так, а не иначе, то – одобрил бы меня Лобанов?

...И как же трудно жить вразрез с компромиссами!.. Тогда и не жизнь мирская уже – а подлинная Предстояние, служение начинается, самая, похоже, окопная земляная правда под высоким небом, под звёздами озаряет до дрожи, как сигнальные ракеты над минным полем... И нет укрытия ни от одной мысли, ни от одного деяния, ни от одного движения души «вхолостую». Весь ты тогда – на сквозняке, на ветру, на морозе. Очень непросто жить так, даже если – только временами спохватываешься. В этом вечном движении и кружении жизни забываешь и отпускаешь момент (так монах порой забывает о чётках). И сложно, как же архисложно жить не минутными потребностями, а – вечностью, дыханием вечности. Если сравнить – то единственно со стоянием в морозную ночь на камне, когда «молишься, молишься, молишься»... Не отпускают обязанности, привязанности, долги, дела. А как же он? А он?.. А он – жил так всегда.